

Живи и давай жить другим

Автор:

[Хендрик Грун](#)

Живи и давай жить другим

Хендрик Грун

Как известно читателям, Хендрик Грун сам скучать не любит и другим не дает. Поэтому в третьем его романе нас ждет совершенно новая история, с амстердамской богадельней никак не связанная. На сей раз мы не встретимся с Груном лично, но, судя по беспощадной меткости наблюдений и неподражаемой иронии, он остается где-то рядом и подглядывает...

Артур Опхоф разочарован. Ему вот-вот стукнет пятьдесят, а его жизнь – синоним уныния. Скучная работа, скучный брак без детей и без страсти, скучные часы в пробках вместо дальних странствий по экзотическим краям и острых ощущений, о которых он столько мечтал. В пятницу сыграть с друзьями в гольф – самое яркое событие недели. А тут вдобавок еще и несправедливое увольнение. Впору ставить на себе крест... или разрабатывать хитроумный план по радикальной перемене судьбы.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Хендрик Грун

Живи и давай жить другим

© Peter de Smet en Meulenhoff Boekererij bv, Amsterdam, 2018

© Э. Венгерова, перевод на русский язык, 2022

«Я сижу на туалетной бумаге».

Так невразумительно я отвечаю, когда меня спрашивают, как я зарабатываю на жизнь. Дело в том, что вот уже двадцать три года я работаю в оптовой фирме, торгующей сантехниккой и моющими средствами. Тридцать шесть часов в неделю. С понедельника по четверг с 8.00 до 17.45, перерыв на обед – сорок пять минут. Из них двадцать минут трачу на поглощение бутербродов и яблока, а остальное время – на прогулку по промзоне Брёкелен. Проходя мимо киоска «Фриты от Пита», я покупаю телячий крокет. Сам Пит давно умер. В один несчастный день у него случился сердечный приступ, и он свалился в витрину с мясными салатами и крокетами. Единственным посетителем оказался шофер польского грузовика. Он сразу же позвонил в скорую, но не знал ни слова по-голландски. А дежурная в диспетчерской не знала ни слова по-польски. Так что разговор затянулся. Когда через тридцать пять минут скорая все-таки приехала, Питу уже ничем нельзя было помочь. Торговлей занялась Трес, жена Пита. Жаль, что ее имя не Йет. «Крокеты от Йет» – неплохо рифмуется. Я на самом деле немного обеспокоен тем, что на крыше до сих пор красуется большая вывеска «Фриты от Пита». Трес говорит, это дань уважения Питу. Понятие «дань уважения» не слишком вяжется с Трес. Впрочем, и с Питом тоже.

За пять минут до конца обеденного перерыва я снова усаживаюсь за свой стол и начинаю проверять сообщения о новых заказах. За столом напротив работает Беренд, он рассылает счета и называет себя финансистом компании. В нескольких метрах от него располагается Марике, секретарша директора. Сам директор, господин Хертог, имеет отдельный кабинет со столом орехового дерева. Когда к нему приезжают новые клиенты, Хертог, ласково поглаживая стол, приговаривает: «Недурно, правда? Настоящий орех». Раньше стол

принадлежал его отцу, Хертогу-старшему. Он до сих пор раз в неделю посещает офис, сидит, тычет в свой айфон с таким видом, словно заявляет: «Посмотрите, в свои восемьдесят я иду в ногу со временем!»

В пятницу у меня выходной. По пятницам я играю в гольф с тремя лучшими друзьями.

2

Меня зовут Артур Опхоф. Вот уж двадцать четыре года я живу в аккуратном таунхаусе в Пюрмеренде, в квартале новостроек восьмидесятых годов. Его строили в то время, когда в моду стремительно входили дворники, закрытые для машин.

В то время моя жена Афра была от них в восторге:

– Значит, через несколько лет наши дети смогут спокойно играть во дворе.

Только детей у нас нет. Мы много лет старались их заиметь, но безуспешно.

– Это создает некоторую напряженность в сексуальном партнерстве, – сказала Афра семейному психологу.

Этих слов вполне достаточно, чтобы сделать из меня импотента. Афра – единственная из моих знакомых, кто рассуждает о «сексуальном партнерстве». Да еще с учетом менструального календаря.

– На самом деле это смертельно для сексуального партнерства, – сказал я психологу.

У Афры отвалилась челюсть.

Психолог задумчиво кивнул. Кивки были самым ценным его вкладом в наши беседы. Однажды я подсчитал, почему мне обходится один кивок, и подсчеты

меня не обрадовали.

Еще через несколько лет, после долгих мытарств, выяснилось, что у Афры что-то не в порядке с яичниками и она не может иметь детей.

Таким образом, отпала главная причина жить в Пюрмеренде, а именно с упомянутым двориком без автомобилей у подъезда. Я подумывал перебраться в Брёкелен, где тоже имелись вполне красивые таунхаусы и откуда было на час ближе к моей работе, но Афра этой идеей не вдохновилась.

- Я прямо прикипела к Пюрмеренду, дорогой, - уверяла она.

- Прикипела - не прикипела, что за слова такие? Я-то не прикипел к Брёкелену, - возражал я.

- Вот именно. Вот и прекрасно. И незачем переезжать в Брёкелен, уж лучше останемся здесь.

Сам себя подвел. Оставил все как есть и вот уж двадцать третий год четыре раза в неделю езжу по утрам из Пюрмеренда в Брёкелен, а по вечерам из Брёкелена в Пюрмеренд.

3

Если разобраться, друзей у меня не так уж много. Собственно говоря, трое: Стейн, Йост и Ваутер. Мы дружили еще в школе. Делили радость и горе, а бывало, что и девчонку.

В последние годы мы встречаемся в основном по пятницам. Играем в гольф, в любую погоду. На прошлой неделе Стейн заметил, что это «всегда особенно приятное начало конца недели».

- Не слишком удачное словосочетание, Стейн, - отозвался Йост.

Стейн работает учителем в средней школе. Преподает немецкий и, как прежде, считается самым примерным мальчиком в нашей гольф-компании. Среди нас он немного белая ворона, но мы ему это прощаем, ведь он всегда был такой. Мы дружим с ним скорее по привычке, чем по убеждению.

Они с Йостом совсем разные. Йоста никак не назовешь пай-мальчиком. Он адвокат и имеет обширную клиентуру, состоящую из мошенников, злостных неплательщиков налогов и жуликоватых белых воротничков. Он и сам вполне под стать своим клиентам и наверняка замешан не в одну аферу.

- Вы единственные, кому я говорю правду, - признался он недавно. - По крайней мере большей частью. В деловых контактах я в основном тяну резину, а если это не срабатывает, то стараюсь врать как можно ближе к истине.

- А как с женой? - спросил Стейн.

- О, я и с ней всегда предельно честен, - с ухмылкой ответил Йост.

Стейн посмотрел на него с недоверием:

- Ну-ну.

Йост ловкач, он решает проблемы, играя на грани фола, но почти всегда выходит сухим из воды.

Ваутер, мой третий друг, тоже не ангел, однако свои дела в области информатики ведет основательно. Когда-то я пытался выяснить, чем именно занимается его фирма, но он ушел от ответа: «Кое-чем. Программированием. Тебе не понять». Пожалуй, мне и впрямь не понять. У Ваутера красивая жена, красивый дом и красивый автомобиль (в порядке значимости). И в своих дорогих, сшитых на заказ костюмах он всегда выглядит безупречно. Для его образа жизни необходимо одно немаловажное условие - иметь деньги. И они у него есть. Сколько? Об этом он не распространяется.

«Скажем так: вполне достаточно», - отвечает он, когда его спрашивают.

А я сам? Всегда мечтал жить интересной жизнью, с размахом, только вот по тем или иным причинам ничего из этого не вышло, разве что живу в спальном районе Пюрмеренд да торгую туалетной бумагой в Брёкелене.

«По-моему, для бурной жизни ты слишком ленив, – заметил Йост на прошлой неделе. – Или слишком труслив. Или то и другое разом».

Я хотел было возмутиться, возразить, но в тот момент не сумел подыскать аргументов. И потом не сумел, хотя подыскивал их несколько дней. Я в самом деле довольно ленив. Может, и не трус, но по меньшей мере очень осторожен. Противное ощущение, словно сосет под ложечкой.

4

О мертвых – либо хорошо, либо ничего. По-моему, это перебор. Недавно померли Йохан Кройф, Дэвид Боуи, Принс и Мохаммед Али, и всех четверых чуть ли не причислили к лику святых. Я тщательно проследил и обратил внимание, что в бесконечном ряду газетных статей и телепередач не нашлось почти ни единой критической строчки о покойных знаменитостях. Зато каждый раз объявлялся рой самозванных друзей, которые вещали о том, как они лично обожали своих героев, пока те были живы.

Никто не сказал, что Кройф, пусть и фантастически одаренный футболист, был упрямым и самодовольным типом. Или что Али был глуп настолько, что довел себя до болезни Паркинсона: слишком долго оставался в боксе, и все ради денег. Ему бы прибереечь хвастливые разговоры о пике своей карьеры до выхода на пенсию – не так были бы заметны провалы в памяти. И при всем тщеславии Боуи и Принса лучше бы им иногда помолчать в тряпочку.

«Кройфа любят сравнивать с богом, но меня это не колышет. Я имею в виду, что бог – это хорошо, но он, конечно, не Кройф».

Прочтя этот твит Кройфа, я расхохотался. Уход из жизни той или иной знаменитости редко огорчает меня или потрясает, и я не тороплюсь возлагать цветы на могилу или зажигать поминальную свечку.

А вообще ты счастлива, Афра? – спросила меня вчера подруга Хелен на занятиях йогой. Ее вопрос застал меня врасплох в позе лотоса.

– Ну-у... думаю, да. Более-менее.

– Думаешь или знаешь? И что значит более-менее? На четыре с плюсом? Или на тройку с минусом?

– Господи, Хелен, прямо сейчас отвечать? Я же пытаюсь уйти в нирвану, – попробовала я отшутиться.

К счастью, она больше не задавала этот вопрос. Но он застрял у меня в голове, и застрял прочно. Подозреваю, что в течение многих лет я старалась обходить его, но раз уж он поставлен, его не обойдешь.

Я решала его несколько дней и теперь, как это ни больно, как ни трудно, признаюсь, что честный ответ: на тройку с минусом. Иногда на тройку, но бывает, что и на четверку. Хотя и тройка с минусом, возможно, ответ не совсем честный, потому что ставить своей жизни неуд – это слишком.

Раньше было лучше.

Когда мы с Артуром познакомились, я была счастлива. И первые несколько лет в Пюрмеренде мы жили очень весело и беззаботно и ездили по всему свету. В Египет, например, и в Мексику.

Правда, за границей с нами происходили разные неприятности. В Мехико, например, нас обокрали, и пришлось несколько дней ждать, пока нам выдали новые паспорта. А в Египте мы заболели.

С тех пор я панически боюсь путешествий. И этот жуткий страх не проходит, к моей собственной досаде. Хотя я вроде бы застрахована от всего, от чего можно

застраховаться. Но разве от всего застрахуешься? Во всяком случае, страсть к путешествиям остыла. Теперь мне хватает велосипедных прогулок по красивым местам в Нидерландах. Германия тоже красива. Да, знаю, это вроде бы малодушие, но оно сильнее меня. При мысли, что в отпуск нужно ехать куда-то в Африку или в Китай, меня прошибает холодный пот. Артур хотел бы в Японию, но я – ни за что. Хотя бы потому, что там совсем рядом Северная Корея.

Пусть я обедняю собственную жизнь, но, по-моему, неделька в Дренте или на Терсхеллинге ничуть не хуже. Подведем итог: тройка с плюсом.

5

Лично я предпочел бы не отмечать свое пятидесятилетие, но Афра настаивает, чтобы я отпраздновал юбилей с размахом.

– Ты не можешь пропустить такое событие, – твердит она.

– Почему?

– Потому!

– Железобетонный аргумент. На него не возразишь.

– Ну конечно, хочешь в свой юбилей сидеть дома? Хоть раз в жизни подумай о других людях. Доставь им радость, побудь в центре внимания.

Я собрался было сказать, что много лет предпочитаю держаться в тени, да еще намазавшись кремом от солнца с фактором защиты, жаль только, от людей он не защищает.

Впрочем, Афра на это возразила бы: «И опять мы насмешим народ».

Насмешим? Забавно. Я уж и не припомню, когда она смешила меня в последний раз. Кажется, когда вместе со складным стулом свалилась в надувной бассейн.

Это была ее лучшая шутка, я не смог удержаться от хохота. Она тогда с удовольствием утопила бы меня прямо на месте, в этом детском бассейне.

Нет, насчет ее чувства юмора я точно промахнулся. Собственно говоря, очень странно, что в первые несколько лет наших отношений я почти не сознавал этого. Невнимательность при знакомстве со временем приводит к разрыву многие супружеские пары.

Что касается празднования моего юбилея: что ж, я сдал позиции. На следующей неделе устраиваю вечеринку в саду. Собственно, ее устраивает Афра.

Прежде всего она пригласила соседей. Не потому, что они такие уж милые люди, но чтобы пресечь в зародыше возможные жалобы на шум. Потом позвала своих родных, друзей по занятиям йогой и по клубу пешего туризма, двух коллег с работы, а также некоторых моих знакомых. Йоста, Стейна и Ваутера она «упустила из виду». Они ей не по душе. Я сам пригласил их после гольфа.

Чем ближе этот праздник, тем больше возражений он у меня вызывает.

– Как только вечеринка начнется, ты войдешь во вкус, – утешил меня Йост. – И оглянуться не успеешь, как все закончится.

6

В пробке на пути в Брёкелен я предаюсь мрачным мыслям. В последнее время увязаю в них все глубже. С тех пор как Йост заметил, что я слишком ленив и/или слишком труслив для жизни с размахом, не могу от них отделаться. В самом деле, из планов, которые я строил в двадцать лет, мало что осуществилось. Я почти не повидал мира, не испытал отчаянных приключений и не завел широкого круга очаровательных и интересных друзей.

Едва я собрался жить с размахом, как влюбился в Афру. Втрескался по уши. Это немного спутало мои планы.

Тогда она говорила, что обожает путешествовать. Наш первый совместный отпуск мы провели в Египте. И там пять дней из десяти Афра просидела на унитазах. Через год мы отправились в Мексику, и на второй день у нее на рынке украли сумочку. Целую неделю пришлось ждать временного паспорта. С тех пор ее любовь к дальним странствиям погибла безвозвратно. «Зачем ездить так далеко, если поблизости столько красоты? Ведь ты ее пока не видел?» – это стало ее заклинанием против приключений. Говоря «поблизости», она имела в виду Бенилюкс и, возможно, Германию. Франция, конечно, тоже красива, но язык у них...

Вот почему каждый год в сентябре я отправляюсь в Дренте, в Люксембург или в Шварцвальд.

«И лучше не в курортный сезон, так дешевле и спокойней».

А меня тянет в Патагонию и Лапландию, в Японию и Китай. Но при одной мысли о еде палочками Афру бросает в дрожь.

Пробка затянулась. Уже пятнадцать минут я стою за фургоном рыбного магазина из Волендама. «За вкусную рыбу скажи нам спасибо!» – начертано на задней двери фургона. Да они там, в Волендаме, настоящие поэты.

7

В последнее время по электронной почте все чаще приходит назойливая реклама подъемников, скутмобилей и подгузников для лиц, страдающих недержанием. Специально запрограммированный компьютер по моей истории поиска заключил, что мне пора на свалку. Так же регулярно предлагается страхование похорон. Видимо, там не знают, что Афра застрахована от всего на свете. Например, у нас есть постоянная страховка, действующая при пеших прогулках по Дренте и окрестностям. На случай, если на нас свалится какой-нибудь мегалит.

У одной подруги Афры в прошлом году украли в кемпинге мобильник, и та обратилась в страховую компанию, но компенсации не получила. Компания заявила, что клиентка была обязана хранить свою «нокию» в сейфе туристической палатки. Афра тогда чуть не отказалась от страховки, но раздумала; по ее словам, никогда не угадаешь, где солому стелить.

- Например? - спросил я.

- Нашему Артуру подавай научные обоснования. Нет, Артур, я не собираюсь приводить тебе целый ряд всевозможных несчастных случаев.

- Мне и не нужен целый ряд. Приведи хоть один-единственный.

- Теракт, например.

Я кивнул, как будто это здравое рассуждение. Не стал ей напоминать, что теракты не подпадают под страхование путешествий. От них вообще не застрахуешься, как и от атомных ударов.

8

Вчера был на кремации отца моего соседа. Он не дожил неделю до своего девяностолетия. Я пошел туда из вежливости, ради соседа, а не ради покойника. Да я почти и не знал его. Видел несколько раз, как он сидит в саду под зонтиком, держа в дрожащих руках какую-то книгу. Я тогда еще удивился, как ему, с таким паркинсоном, удастся различать пляшущие перед глазами буквы, но потом мне рассказали, что вот уже много лет он держит одну и ту же книгу.

Когда не испытываешь горя, чувствуешь себя в траурном зале крематория все-таки по-другому. Я там обычно изумляюсь. Изумление вызывает теплая атмосфера, которую умеют создать сотрудники крематория, их радушие, неформальная обстановка и приятный декор зала. Сразу чувствуешь себя как дома.

Нет уж. Спасибо. То ли дело веселые африканские похороны, с музыкой, пением и танцами. Пожалуй, даже патетические вопли и крики арабов лучше вежливого радушия, с которым средний голландский крематорий принимает мертвых и живых гостей.

Кладбища куда предпочтительней, если, конечно, светит солнце.

Сорок семь человек пришли отдать последний долг покойнику. А возможно, сочли, что порядочность не позволяет им остаться в стороне от события. Это число значительно ниже среднего. Я всегда подсчитываю, сколько людей присутствует на похоронах. Рекордная цифра – двести пятьдесят пять. А сколько придет ко мне? Надеюсь, все-таки больше сорока семи.

Под сводами зала гремел хит Андреа Бочелли и Сары Брайтман[1 - Бочелли Андреа (р. 1958) – итальянский певец (тенор), исполнитель классической и популярной музыки; Брайтман Сара (р. 1960) – британская певица (сопрано).] «Time to Say Goodbye». Песня занимает первое место в топ-десятке шлягеров, исполняемых на похоронах. В нем значатся, например, хиты Паула де Леу, Марко Борсато и Клаудии де Брей[2 - Де Леу Паул (р. 1962) – нидерландский комик и певец; Борсато Марко (р. 1966) – нидерландский певец; де Брей Клаудиа (р. 1975) – нидерландский комик и певица.]. А им это нравится? Или для них главное – роялти за исполнение? Самая популярная песенка Клаудии де Брей «Можно мне с тобой?». Что довольно странно, поскольку тот, к кому она хочет присоединиться, насколько я понимаю, лежит в гробу. Вера Линн и Мике Телкамп[3 - Линн Вера (1917–2018) – британская певица; Телкамп Мике (1934–2016) – нидерландская певица.] исчезли из первой десятки. Жаль. Может, всем на удивление, они возглавят мой личный похоронный список. А еще лучше, если на моих похоронах Андре ван Дёйн[4 - Ван Дёйн Андре (р. 1947) – нидерландский комик и певец.] исполнит свой шедевр «В коридоре конь стоит».

«Последняя дурацкая выходка, граждане, инициатива самого покойника».

Когда предстоит чьи-то похороны или кремация, у Афры всегда разыгрывается мигрень. И очень кстати, потому что я предпочитаю ходить на похороны один. Иначе мне пришлось бы, особенно на кладбищах, шествовать под ручку с ней, выражая соболезнование всем и каждому.

Я изучала психологию в Амстердамском университете. Теперь я думаю, это были самые веселые годы моей жизни. На втором курсе на какой-то студенческой вечеринке я познакомилась с Артуром. Он был остроумен и очарователен. С тех пор от его очарования и остроумия мало что осталось. Разве что иногда он меня смешит.

Если честно, должна признать, что и я не стала привлекательней, я имею в виду даже не внешность.

– Время тебя щадит, – недавно сказал мне Артур.

Это мне польстило, хотя потом он добавил, что не сам сочинил комплимент, а позаимствовал у Йоста, одного из своих друзей. Тот постоянно повторяет его своей жене.

Я и в самом деле выгляжу привлекательной для своего возраста. Одно из немногих преимуществ бездетности. Со мной еще иногда флиртуют мужчины. В основном те, кому за шестьдесят, но все же...

Когда мы познакомились, Артур изучал культурную антропологию. Наверное, он выбрал факультет из-за интересного названия, потому что увлечения экзотическими народами я никогда за ним не замечала. Из этого ничего и не вышло. Два курса он одолел за пять лет, после чего его отец перестал платить за учебу и Артур устроился на работу. Сначала в магазин велосипедов в Амстелвене, потом в оптовую фирму, торгующую туалетной бумагой в Брёкелене. Не ближний свет, но рабочие места на дороге не валяются. Он служит там уже двадцать лет и дослужился до заведомо купли-продажи.

По-моему, ему в Брёкелене, среди рулонов туалетной бумаги, нравится. Хотя он злится, когда я острою на эту тему.

Сегодня исполняется одиннадцать лет с того дня, когда я впервые увидел Эстер. Она работала у поставщика автоматов, продающих бумажные полотенца и туалетную бумагу. И подменяла представителя фирмы, который из-за нервного срыва сидел дома. Вместо лысеющей седой головы с усами в нашей конторе появилась копна веселых светлых кудряшек.

- Добрый день, я ищу господина Опхофа, - сказала она.

Может быть, я слишком долго простоял с открытым ртом.

- Я заменяю господина Схулца. Он временно на больничном, из-за небольшого переутомления, - пояснила она ко всеобщему изумлению.

- Передайте господину Схулцу, пусть не спешит выздоравливать. - Кажется, я брякнул что-то в этом роде. Не бог весть какая шутка, но Эстер она рассмешила.

Продолжение тоже не блистало остроумием:

- Вот уже двенадцать лет я занимаюсь туалетной бумагой, но никогда еще не видел в своей конторе столь красивую женщину при автоматах.

- Вы так всем женщинам с автоматами говорите? - сказала Эстер с озорной искоркой в глазах, от которой у меня захватило дух.

С того дня я стал регулярно заказывать один-два автомата в неделю, хотя прежде закупал оптом по сорок штук. Таким образом, у меня появилась уважительная причина звонить ей.

- Судя по вашим заказам, вы немного изменили стратегию купли-продажи с тех пор, как заболел господин Схулц.

- Королева автоматов заслуживает иного подхода, чем переутомленный господин Схулц.

Мы висели на телефоне уже четверть часа. Я видел, что мой коллега Беренд наострил уши. И сообразил, что мы оказались на сомнительной грани флирта.

– У меня в ассортименте есть новый держатель туалетной бумаги, Артур. Может, приехать в ближайшее время, показать его? – спросила Эстер.

Я предложил организовать знакомство с держателем в каком-нибудь ресторане. Эстер одобрила идею.

Когда я повесил трубку, Беренд прошипел:

– Эх, хороша баба!

Почти год мы встречались в ресторанах, в кино, на пляже и, наконец, в постели. Это был рай. Я совсем потерял голову. Эстер тоже, но она опомнилась. На другой чаше весов были порядочный муж и трое маленьких детей – двух, четырех и семи лет. Я не мог поставить ей в вину, что она сделала выбор в их пользу. Она дезертировала под знамя безрассудной страсти, но действительность взяла свое.

– Я не смогу любить настолько, чтобы бросить троих детей.

Она отказалась общаться. Мы расстались. Если не навсегда, то во всяком случае надолго.

– Можно я позвоню тебе через десять лет? – спросил я тогда.

Она кивнула и погладила меня по щеке.

Несколько секунд мы неподвижно стояли друг против друга. Потом она поцеловала меня в губы, повернулась и ушла.

Я смотрел ей вслед, надеясь, что она оглянется. Но она не оглянулась. Мне показалось, она провела рукой по глазам.

Ровно десять лет исполнится через двадцать один день.

10

В машине у меня есть время для размышлений. Например, о самоубийстве. Нет, сам я не столь амбициозен. Но мои мысли занимают люди, которые довели дело до конца, вероятно, придя к выводу, что жизнь ничего больше не может им предложить. Йост Звагерман, Антони Камерлинг[5 - Звагерман Йост (1963–2015) – нидерландский писатель; Камерлинг Антони (1966–2010) – популярный нидерландский актер.], богач-немец – примеров полно. Поклонники, деньги, здоровье, красивые женщины – на первый взгляд, этих причин более чем достаточно, чтобы желать дожить до старости, и все-таки тяга к смерти оказалась сильнее. Где-то в их головах торчали крошечные нейропроводнички, которые сбились с пути, отчего их обладатели, как ни старались быть веселыми и довольными, стали смертельно несчастными. Дурацкое невезение.

Иногда и мне жизнь становится поперек горла. Жизнь, которую я веду, но не жизнь как таковая. Так было с Брёкеленом и Пюрмерендом, с туалетной бумагой и спальными районами. Я мечтаю о Нью-Йорке и Тоскане, но в следующем месяце придется четыре дня колесить на велосипеде по Северной Голландии. Афра желает, чтобы мы крутили педали в одинаковых спортивных костюмах. У нее на руле держатель с картой местности. Я часто ловлю себя на том, что стараюсь держаться позади и как можно дальше от нее. Делаю вид, что мы не вместе.

Это не ее вина. Это не ее вина. Это не ее вина. Я повторяю это как заведенный. Она такая, какая есть. А я слабак, не такой, каким хочу быть.

11

Аренда поля для гольфа в Пюрмеренде – дорогое удовольствие. Допустим, для меня деньги не играют большой роли, но в принципе с полями для гольфа дело такое: чем они дороже, тем поганее. В Пюрмеренде клуб был слишком большой,

обставленный с напускным шиком, из тех, где вам подадут чиабатту с карпаччо из тунца и руколу под трюфельным майонезом за 11,75 евро. В столовых, где сэндвич с крокетом стоит два с половиной евро, кормят, по-моему, вкуснее. А эти, в Пюрмеренде, изображают из себя «курорт», так что с ними нужно держать ухо востро. В том же клубном доме обосновался конференц-центр для самодовольных бизнесменов. Собственно говоря, мы предпочитаем играть там, где паркуются машины подешевле, а люди не демонстрируют простому народу своего превосходства, например, на поле в районе Амстердам-Норд. Туда мы обычно и ездим по пятницам. Но если мест нет, поневоле отправляемся в Пюрмеренд.

Когда Стейн загоняет мяч в аут, он говорит: «Не повезло!» Когда то же самое делает Йост, он возмущается: «Проклятье!» Ваутер в таких случаях констатирует: «Промазал!» А я просто ворчу. У каждого свой стиль.

Наши разговоры вертятся вокруг гольфа, женщин, работы, денег и новостей. Йост и Ваутер единодушно полагают, что мир был бы намного лучше, если бы в нем распоряжались они. Для каждой проблемы у них имеется готовое решение. Стейн куда тоньше, больше интересуют нюансы, но ему, мягко выражаясь, не по силам переспорить Йоста и Ваутера. Я обретаюсь где-то между этими двумя стилями.

Вчера Йост сообщил, что собирается купить домик в Италии. Точнее, в Тоскане. И любезно пригласил нас со временем воспользоваться его гостеприимством. «Нас» – это меня и Ваутера. Йост затеял разговор, когда Стейн уже ушел.

– Один мой клиент хочет избавиться от дома, так как не сможет пользоваться им в ближайшие годы. Получил срок восемь лет. И я могу купить очаровательную виллу по очень сходной цене. Заделаюсь гордым домовладельцем в Маццолле, недалеко от Вольтерры.

– А не рискованно покупать дом у уголовника? – спросил я.

Ничуть, пояснил Йост. Он хорошо все продумал. Дом формально записан на какого-то итальянца. Йост купит дом у него. А упомянутый итальянец за небольшое вознаграждение будет присматривать за хозяйством и за порядком. Комар носу не подточит.

– А кто вообще знает о нем? – спросил Ваутер.

– Никто, только вы.

– А твоя жена?

– Не знает. Во всяком случае пока. Иначе придется ездить туда с ней. Скажу ей как-нибудь позже.

– В этом что-то есть. Стоит использовать такой шанс. И без жены. И чтобы не ставить никого в известность, – непроизвольно вырвалось у меня.

– Милости прошу в гости, дорогой друг, – ответил Йост.

12

В данный момент меня занимает число 1729. Хорошо бы поговорить о нем в интересном обществе. Если оно ненароком всплывет, я, словно невзначай, обмолвлюсь, что 1729 – число особое. Кто-нибудь спросит почему, а я как можно небрежнее отвечу, что 1729 – самое малое простое число, которое можно записать двумя способами: как сумму кубов чисел 1 и 12 или 9 и 10.

Будто я что-то смыслю в математике.

Очень мне любопытно, какие физиономии будут у окружающих. Увы, вероятность, что 1729 выпадет само собой, чрезвычайно мала. А если я сам заговорю о нем, то буду выглядеть довольно глупо. Я не нашел в интернете никаких значительных событий, случившихся в 1729 году. Разве что изобретение особых облицовочных камней. А Википедия сообщает о каких-то водяных лесопилках.

Это число я взял из газеты. Сидя в машине, наизусть выучил, чем оно замечательно. Чем только в пробках не займешься. Неужели мне больше нечего делать?

Много лет я лелеял мечту использовать время в пробках для изучения иностранного языка. И не какого-то простого, близкого, а трудного, например русского, китайского или японского. Языка, владея которым, можно произвести впечатление. Но и этот план, как и большинство прочих, я не стал воплощать. Я долго мирился с этим, но будущее становится все короче, и я начинаю все больше злиться на себя. Моя безвольная нерешительность и вечное «ну и пусть!» здорово меня бесят. «Ну и пусть!» – красная нить моей жизни. Если я еще хочу сделать из нее нечто крупное и захватывающее, пора потихоньку начинать.

13

Итальянский домишко Йоста не выходит у меня из головы. Йост прислал мне на мобильный несколько фотографий. Белый домик на холме, красивый сад, виноградник и даже маленький бассейн. Чуть на отшибе от деревни и недалеко от Вольтерры, городка с ресторанами, террасами и магазинами.

Я как можно небрежнее поинтересовался у Афры, не прокатиться ли нам летом в Италию. Нет, ей неохота. Там слишком жарко, и язык такой непонятный, и каждый день спагетти, это не для нее. А почему я спрашиваю?

– Так просто.

– Ты ничего не делаешь так просто.

– А на этот раз сделал.

– Ну-ну.

Ее «ну-ну» – обычный финал наших бесед.

14

Мой пятидесятилетний юбилей прошел вполне предсказуемо. После кофе с тортом произошло классическое разделение: женщины, старики и зануды расположились в гостиной, а большинство мужчин и единственная компанейская женщина устремились на кухню. Не знаю, какой механизм лежит в основе этого традиционного расщепления, но близость холодильника, безусловно, играет в нем важную роль. В гостиной беседуют чинно и пьют умеренно, а в кухне выпивают в быстром темпе и по мере развития праздника беседуют и смеются все громче. В ход идут старые шутки и бородатые анекдоты, и никого это не смущает.

Обычно я торчу на кухне, но в этот раз, на моем собственном юбилее, ожидалось, что я поведу себя как человек светский, то есть буду учтиво беседовать в гостиной с соседями и подругами Афры. Несколько попыток бегства были решительно пресечены моей супругой. Застукав меня на кухне, она совала мне в руки тарелку с сыром или ливерной колбасой и просила отнести ее в гостиную. Для подруг из клуба, где они занимаются йогой, Афра приготовила целое корыто сырых овощей. Короче говоря, вечер полностью соответствовал карикатурам на классический юбилей. В довершение всего Ваутер наблевал в саду в ящик с бархатцами:

– Уфф, как хорошо!

Я не знаю никого, кто может так беззаботно слевать и снова напиться, как Ваутер. Йост почел за благо вышвырнуть ящик со всем содержимым.

На следующий день Афра обошла соседей в поисках своих бархатцев, но Йосту хватило ума сунуть ящик в багажник своей машины и по дороге домой выбросить его в мусорный контейнер.

Несколько дней Афра не находила себе места:

– Во имя всего святого, как мог исчезнуть целый ящик с бархатцами?

– Может, кто-то его выбросил? – только и сказал я. – Наверно, решил, что они страшно воняют.

Она сочла это предположение смешным.

15

Пенсионный возраст увеличен на три месяца. Это третье или четвертое повышение пенсионного возраста за примерно шесть лет. Ничего не попишешь: придется работать, пока мне не стукнет шестьдесят семь лет и три месяца. По крайней мере, если в ближайшие семнадцать лет и три месяца не произойдет еще несколько повышений, что кажется мне вполне вероятным.

Арифметика проста. Люди стареют и в среднем все дольше получают пенсию по возрасту, а число пенсионеров все увеличивается по сравнению с числом работающих. Минус плюс минус – двойной минус. Хенк Крол, глава партии «50 плюс», полагает, что «речь идет о тех людях, которые сделали эту страну великой», поэтому решать проблему за их счет нельзя. Выходит, страну сделали великой Хенк и его «пятьдесятплюсники». Но это не повод доверять им кошелек всей страны.

Даже не знаю, что хуже: еще семнадцать лет и три месяца торчать в конторе напротив бухгалтера Беренда или еще семнадцать лет и три месяца по два с половиной часа в день торчать в пробках.

Эти дополнительные три месяца переполнили психологическую чашу моего оппортунизма.

Еще семнадцать лет сантехоборудования, еще семнадцать лет маршрута Пюрмеренд – Брёкелен – Пюрмеренд...

Что-то должно произойти.

16

Фредерика, соседская девочка семи лет, играет в футбол. Она пришла ко мне в гости, чтобы с гордостью показать список команд, поскольку ее команда занимает в нем верхнюю строку. А нижнюю строку занимает команда «Ф-5» из футбольного клуба Алмере – сыграно 9 матчей: 0 побед, 0 ничьих, 9 поражений; забито 4 гола, пропущено 117.

У меня сжалось сердце. Средний счет проигранных матчей – 13:1/2.

Сто семнадцать раз семилетняя девчушка-вратарь (вероятно, с конским хвостиком и в огромных перчатках) вынимала мяч из сетки ворот. Говорят, командный спорт формирует характер, но как приведенная статистика влияет на девочек из команды «Ф-5», Алмере? Вопрос остается открытым.

– У них мы выиграли со счетом 18:0, – гордо сообщила моя маленькая соседка.

Я кивнул, думая о малышке-вратаре. По-моему, все это очень печально.

17

Моя мать давно умерла, а с отцом мы поладили, только когда он впал в маразм; в таких случаях приятно, что с тестем и тещей дело обстоит чуть получше. В итоге: стакан полон наполовину. Моя теща Герда – милейшая женщина. Мой тесть Пит – препротивный мужик.

Однажды Герда, уговорив полторы бутылки вина, призналась мне тет-а-тет:

– Ума не приложу, как это моя дочь выросла такой занудой. Я честно старалась сделать из нее что-то хорошее.

– Наверно, гены Пита оказались слишком доминантными, – предположил я.

– Кстати, ума не приложу, почему я вообще вышла за Пита. – Она задумалась. – Хотя... понимаю. Он был видный мужчина, а я так хотела вырваться из дома. Как говорится, сама виновата. Потому, вероятно, и осталась с ним. А иногда... в нем все-таки было что-то трогательное.

- Хорошо, что эти двое не слишком тебя доставали, Герда, - подбодрил я ее.

Она хотела что-то добавить, но тут вошла Афра с травяным чаем.

Пит каждый божий день жалуется на всевозможные недомогания, но ничего у него нет. У Герды несколько месяцев назад диагностировали рак легких, ее дела плохи, но она редко жалуется. Сорок семь лет подряд она выкуривала пачку в день. Все это время она была убежденным курильщиком: наслаждалась каждой затяжкой.

- Досадно, что рак легких, зато я выкурила почти четверть миллиона роскошных сигарет, а это тоже чего-то стоит. Люди почему-то забывают об этом, - сказала она, усмехаясь.

- Да, а мы из-за тебя дышим отравой, - ввернул Пит.

Я прикинул, как бы запустить вазой в его тупую башку. Герда увидела, что я набычился, и сказала:

- Оставь, Артур. Не трать энергию понапрасну.

- Что значит тратить энергию понапрасну? - спросила Афра.

- Это значит не злиться, - ответила ее мать.

- Ты хочешь сказать, из-за болезни?

- Вроде того, да, - кивнула Герда и продолжила: - Артур, не хочешь прогуляться со мной?

- Конечно, мама.

- Как забавно, сынок. Ты в первый раз назвал меня мамой.

У нас с Артуром совершенно разные друзья, и это не облегчает наших отношений. У меня есть отличные подружки по клубу йоги и по теннису, но Артур считает их пустышками. Он этого не говорит, но я чувствую, что он так думает. Его раздражает даже такой факт, что некоторые из них, в точности как я, любят травяной чай. Будто его друзья, которые глушат пиво да вино, – сущий подарок для человечества. А может, он завидует, ведь у меня десятков подруг, а у него всего трое друзей. Двое, Йост и Ваутер, жутко наглые, а третий, Стейн, вполне приличный, учитель немецкого. Двое других занимаются не пойми чем.

На дне рождения Артура было очень заметно, что наши компании не смешиваются. Мои подружки, соседи и отец сидели в гостиной, а Артур с друзьями торчали на кухне, и с ними, между прочим, моя мать. Им, видите ли, так удобнее – холодильник рядом.

Я несколько раз просила Артура отнести в гостиную бутерброды, и он безропотно угощал всех там сыром и колбасой, только вот норовил поскорее вернуться на кухню. А на кухне они быстро накачались. Я даже слышала, что там кого-то вырвало. Но не стала выяснять подробности, а они все быстро убрали, так что я потом ничего не обнаружила. К тому времени все мои подружки и соседи, к счастью, разошлись по домам. На следующий день сосед припомнил, что после их ухода оставшиеся на кухне еще долго веселились.

– И шумели, – добавила его жена с кислой миной.

Но хуже всего, что в тот вечер исчез ящик с бархатцами. Артур сказал, что знать ничего не знает, возможно, кто-то решил, что они слишком воняют, и куда-то их перенес. По-моему, Артур врет, и кто-то сыграл со мной подлую шутку. Я обошла всех соседей, но ничего не нашла. Ну кому мог понадобиться ящик с бархатцами?

В субботу Артур купил новый ящик и новые растения, что делает ему честь. Это были не бархатцы, но я не в претензии, бархатцы и впрямь пахнут довольно своеобразно.

Оптовая торговля туалетной бумагой и сантехникой идет ни шатко ни валко. Вчера совершенно неожиданно директор Хертог провел в офисе общее собрание персонала. Присутствовали: Марике (секретариат), Беренд (финансы), Дирк (транспорт), Хамед (склад) и я (купля-продажа).

Хертог откашлялся, окинул взглядом собрание, еще раз откашлялся и сказал:

– Не знаю, с чего начать. – Он выглядел так, словно галстук душил его. – Цифры последних кварталов внушают некоторое беспокойство. Мы не достигли поставленных целей.

Дирк посмотрел на него со страхом: неужели он забыл что-то доставить?

– Финансовая ситуация фирмы такова, что руководство вынуждено в кратчайшие сроки провести внутреннюю реорганизацию с целью экономии средств. Это коснется каждого в нашем прекрасном бизнесе.

Для Хамеда и Дирка слова были слишком непонятные. Явно происходит что-то серьезное, но что?

Наконец, после долгих обиняков, выяснилось, что нужно уволить двоих, но босс пока не решил, кого именно. И примет соответствующее решение в самое ближайшее время.

Беглый обзор наличного персонала привел меня к выводу, что число возможностей ограничено.

1. Хамеду придется выполнять работу Дирка, или наоборот. Вылетает Дирк или Хамед.

2. Хертог может уволить секретаршу, но как директор мыслит себя без секретарши. И дело не в ее работе – он и сам легко мог бы ее выполнять, а вдобавок еще и разносить газеты, – но в директорском статусе.

3. Беренду будет поручена моя работа. Вылетаю я.

4. Я займусь работой Беренда. Но этот номер вряд ли пройдет, у Беренда два бухгалтерских диплома, а у меня ни одного, хотя выполнять его работу можно даже с дипломом сапожника.

Подводим итог: велика вероятность, что в ближайшее время я стану безработным.

Должен признать, испугался я намного меньше, чем ожидал от себя. Правда, в тот момент у меня мелькнула мысль, что, когда меня уволят, придется срочно что-то придумать, чтобы не торчать семь дней в неделю в пюрмерендском таунхаусе, помогая Афре складывать чистое белье и ходить за покупками. Если не получится, буду тосковать по пробкам на пути в Брёкелен. Моя жена, к слову сказать, тоже работает, но всего три раза в неделю. В магазине модной дамской одежды больших размеров. Чем она очень гордится, хотя большую часть времени проводит в ожидании покупателей. Кроме того, она играет в теннис по субботам после обеда и посещает занятия йогой вечером по средам. Остальное время она сидит дома и самозабвенно занимается домашним хозяйством. Для Афры день без стирки – потерянный день.

Несмотря на то что мы с Афрой, сидя дома, рискуем осточертеть друг другу, я, в общем, смотрю на безработицу не слишком мрачно.

Как говорится в духе современных коучей: думай не о трудностях, но о возможностях.

19

– Как дела с домишком в Италии, Йост?

В один прекрасный сентябрьский полдень мы сидели на террасе гольф-клуба, осушая вторую бутылку вина. Стейн только что распрощался, он обедает дома. А мы втроем изучали меню.

– Хорошо. Очень хорошо, – отозвался Йост.

– Значит, в ближайшее время празднуем новоселье? – спросил я.

– А что?.. По-хорошему, я не прочь его организовать, – ответил Йост и после небольшой паузы добавил: – Как насчет будущей весны? Говорят, в мае там красотища.

– Значит, месяцев через восемь, – подсчитал я.

– Звучит классно, – кивнул Ваутер, – но как мы это устроим?

Повисла долгая пауза.

– Что, если обставить это дело как небольшую вылазку гольф-команды в чисто мужском составе? – предложил Йост.

– Гениально. И просто, как все гениальное, старина, – польстил ему Ваутер.

За десертом мы все обговорили: организуем в мае так называемый гольф-тур на неделю в Алгарви[6 - Алгарви – португальская провинция, международный центр отдыха.], чтобы отвлечь внимание от Тосканы. Запланируем его на время, когда нет школьных каникул, чтобы не брать с собой Стейна. Заодно проведем передислокацию кое-каких вещей. У Ваутера есть «свой человек в автосервисе». Он временно поменяет «ауди» Ваутера на пикап «фольксваген», чтобы было на чем ехать в Италию.

– Алгарви при ближайшем рассмотрении неудобно, – засомневался Ваутер. – Туда придется лететь, а тогда дамы, возможно, пожелают проводить нас до аэропорта Схипхол.

– А может, скажем, что едем в Южную Германию? – предложил я. – Тогда мы сможем с дороги отправить домой фото.

Поскольку мы предпочли ехать через Францию, то сошлись на юге Франции.

– И кормят там лучше.

Недалеко от Авиньона знакомые Йоста, французская супружеская пара, хозяева мотеля типа «постель и завтрак», сдают отличные номера.

– Пошлем оттуда фото с видом на знаменитый мост.

Мы выпили по стаканчику за успех нашего прекрасного предприятия. Потом еще по стаканчику.

– Так. Ну, опять повеселились?

Афра сидела на диване в пижаме, с чашкой травяного чая в руках.

– В общем, да.

Я решил немного подождать с объявлением о нашем гольф-туре.

20

Мой тесть высморкался и внимательно изучил результат в своем носовом платке. Он всегда так делает.

– Надо следить, нет ли там крови.

– ПАПА!

Афра терпеть этого не может, вот уже сорок лет.

– В точности, как тот тренер немецкой сборной, который всегда совал руку в штаны, ощупывал яйца, а потом обнюхивал руку. Проверял, не нужно ли срочно принять душ, – с усмешкой прошептала теща.

– МАМА!

– Извини, дорогая, это очень забавно.

Герда может говорить только шепотом. Она держится на болеутоляющих, уже не встает с постели, но остается такой же, как всегда, остроумной, душевной и сердечной женщиной. Искренней и все понимающей.

На прошлой неделе она решила, что настрадалась достаточно, и попросила доктора дать ей спокойно умереть. Дочь и муж приняли это с трудом. Я тоже. Когда дело заходит так далеко, решение понятно, но примириться с ним нелегко.

– Буду считать, что вы все поступите благородно, если не станете возражать, а поддержите меня в моем решении, – сказала Герда тихо, но убедительно.

Теща понравилась мне с первого взгляда, с той минуты, когда я увидел ее впервые.

Если хочешь знать, кем окажется твоя подруга, присмотришься к ее матери – таково было мое убеждение, когда я познакомился с Афрой. Я дал маху. Надо было хорошенько присмотреться к ее отцу. Но мне это и в голову не пришло, он был для меня чем-то вроде пустого места. А теперь лежащая при смерти мать мне ближе и дороже, чем женщина, с которой я состою в законном браке. Надеюсь, я не должен испытывать по этому поводу слишком сильного чувства вины, ведь если бы Афра могла безнаказанно обменять меня на щенка лабрадора, она бы сделала это не задумываясь. Муж и щенок несовместимы, так как у меня аллергия на собак. Точнее, на кошек, но тесть весьма настойчиво уверял меня, что если ты сверхчувствителен к кошкам, то не переносишь и собак. Я не стал возражать. Прав он или несет чепуху – я уже много лет не спорю. А в данном случае я только выиграл. Поэтому мы не держим ни кошки, ни собаки, ни морской свинки и никакого другого волосатого зверя.

– Он очень хорошо относится к рыбкам, дорогая, – весело заметила однажды Герда, когда Афра в сотый раз пожаловалась, что из-за меня не может взять собаку.

– Перестань, мама! – оборвала ее Афра.

В любом случае, если она и сможет о ком-нибудь заботиться, то о животном. Золотая рыбка вполне бы сгодилась.

Домашний врач – человек либеральный, широко мыслящий. Несколько месяцев назад он, по просьбе моей тещи, начал процедуру оформления эвтаназии. Теперь все улажено, в том числе и консультация второго врача.

Была достигнута договоренность, что когда Герда об этом попросит, то, прежде чем ее просьба будет исполнена, она обязательно возьмет еще несколько дней на размышление. Эти дни истекли, и Герда снова попросила врача положить конец ее мучениям.

Он сделал приготовления. Завтра все кончится. Такое чувство, что внутри у меня огромный бетонный блок.

21

В палате было душновато. Тесть поставил термостат на 23 градуса.

– Не хочу, чтобы ей было холодно умирать.

– Такая жара, наверно, тоже ни к чему, – осторожно возразил я. Возражение было оставлено без внимания.

Герда с закрытыми глазами лежала на высокой больничной койке, которую по этому случаю отодвинули от окна на середину палаты. Чтобы мы могли сесть вокруг. Мы – это ее муж Пит, Афра, сестра Пита, врач и я. Медсестра держалась на почтительном расстоянии.

Я знаю, сестра Пита не любит Герду. Она никогда ничего не понимала в любви, юморе и иронии, а Герда из них состояла.

Однажды я слышал, как она внушала Питу:

– Твоя жена ничего не уважает. – Она сказала это, как раз когда я входил на кухню, но, увидев меня, быстро добавила: – Я ее не обвиняю, упаси бог.

– Надо бы ее спросить, – сказал я. – По-моему, она очень даже уважает все, что заслуживает уважения.

Нет-нет, не нужно спрашивать, она совсем не то имела в виду.

Что до Пита, то мне кажется, доведись ему выбирать между возвращением на ТВ игры «Линго» и выздоровлением жены, он бы надолго и глубоко задумался. С годами Пит превратился в самого большого эгоиста из всех, кого я знал. И даже не пытается это скрывать.

А Герда, тем не менее, почти до самого конца жила радостно и весело, была в ней некая первобытная сила натуры. Я слышал однажды, как она сказала мужу: «Никому не отнять у меня удовольствия и счастья, и уж конечно, не тебе». С тех пор я смакую эту мысль и стараюсь осуществлять ее на практике.

Вокруг койки царила гнетущая тишина. Сестра Пита то и дело покашливала.

– Пожалуй, здесь все-таки слишком жарко, – сказал я. – Положу ей на лоб влажную салфетку.

– Возьми да положи, – буркнул Пит.

– Вот так, мамочка, сейчас я тебя умою, – тихо шепнул я ей на ухо.

По ее лицу скользнула едва заметная улыбка, казалось, она хотела что-то сказать, но с губ не слетело ни звука.

Доктор повернул вентиль капельницы, и мы смотрели, как по трубке стекает жидкость.

– Теперь уже недолго, – сказал он. – Сердце останавливается.

– Избавьте меня от подробностей, доктор, – сказал Пит.

Немногим позже по телу Герды пробежала короткая дрожь, рот открылся.

– Ваша мать скончалась, – тихо произнес доктор.

– И моя жена, – сказал Пит.

– Прошу прощения, и ваша жена, разумеется.

Афра рыдала в моих объятиях. Ее плечи вздрагивали.

Даже Питу пришлось энергично промокнуть глаза носовым платком. Но сперва он проверил, достаточно ли платок чистый.

Я поцеловал Герду, прикоснулся щекой к ее щеке.

– Пока, мама.

Сестра Пита отвернулась.

22

Мне стоило труда добиться, чтобы Пит и Афра не связывались с «Бюджетными похоронами». В результате, отказавшись от услуг «Оффертеконинга», они выбрали «Нумату». Это похоронное бюро, если верить рекламе, гарантировало хороший сервис, заботу и сочувствие.

– И недорого, – сказал Пит.

Разговор с дамой-похоронщицей шел на повышенных тонах. И не совсем по вине дамы.

- Вы заказываете одну машину или кортеж? - спросила она.

- А это обязательно, кортеж? - спросил Пит.

Подозреваю, что из соображений экономии он предпочел бы отправить гроб на кладбище в малолитражке «рено-твинго». Не беда, что гроб туда не поместится, на малой скорости можно ехать и с открытым багажником.

Похоронщица любезно заверила его, что вовсе не обязательно. Но и в дальнейшем ее терпение многократно подвергалось испытаниям.

- У нас в «Нумате» служат только дипломированные специалисты, - сообщила она, когда Пит вдруг усомнился в ее компетентности. А незадолго до этого она спросила, какой он желает гроб: простой, эксклюзивный или эко?

- Какой-какой?

- Экологичный.

- Еще какая-то современная дурь? Сами-то вы знаете, в чем тут разница?

- Да пусть будет простой, - вмешалась Афре.

23

В понедельник утром, когда я писал адреса на траурных извещениях, раздался звонок, и велокурьер вручил мне заказное письмо фирмы «Хертог АО. Оптовая торговля сантехническим оборудованием и чистящими средствами». Из «великодушия» мне не предложили отработать положенный срок. С 1 марта я уволен. Об условиях увольнения, включая выходное пособие, меня поставят в известность в ближайшее время.

- Что ж, тогда все ясно, - сказал я Афре.

– Что ясно?

– С первого марта я уволен.

Глаза Афры округлились и чуть не вылезли из глазниц. Рот открылся.

– Так я и знала, – всхлипнула она.

Не тебя увольняют, а меня, хотел я сказать, но промолчал, вспомнив покойную тещу.

24

Безрадостный брак, смерть обожаемой тещи, увольнение – до полного набора не хватает только разговора с моей большой любовью, которую я не видел десять лет. Что-то в этом роде пронеслось тогда в моей голове.

Я бродил по Пюрмербосу, парку для жителей таунхаусов Пюрмеренда. В связи с кончиной тещи я взял три свободных дня. Беренд, наш бухгалтер, указал мне, что по закону я имею право только на один свободный день, а еще два могу взять за свой счет.

– Спасибо за ценное указание, Беренд, – ответил я. – Мне было бы тяжело сознавать, что мой работодатель пострадает из-за кончины моей тещи.

Повисла долгая пауза.

– Что да, то да.

Я сел на скамейку, достал мобильник.

– Это Эстер. С кем я говорю?

- Это Артур.

- ...Здравствуй, Артур.

- Здравствуй, Эстер. Как жизнь?

- Хорошо... Хотя как раз сейчас не особенно. Но вообще-то хорошо.

- Помнишь, я просил разрешения позвонить через десять лет?

- Помню. Тогда я разрешила.

- И?

- И что?

- А теперь жалеешь?

Она помолчала.

- Да, теперь жалею. Прости, Артур. Я не могу.

- Я только хотел спросить, можем ли мы встретиться? Хоть один раз?

- Нет... не могу.

- Почему?

- Вдруг дам слабину. И опять начнутся мучения.

- Может быть, ты права.

- Я бы всей душой, но не могу. Боюсь, увижу тебя снова лишь на твоих похоронах.

- Если я помру первым.
- Да, иначе получишь приглашение на мои похороны.
- Приду непременно. Я все еще люблю тебя.
- И я тебя.

25

- Это было прекрасное прощание, воистину достойное прощание, - говорил мой тесть, качая головой. Видимо, хотел убедить в этом меня.

Я едва заметно кивнул.

- Такое, какого желала твоя мать, - продолжал он, обращаясь к Афре. Та сидела на кушетке с красными от слез глазами.

Сомневаюсь.

Герда, например, терпеть не могла Мике Телкамп. А кто вопил на весь траурный зал кладбища? Именно она. Пит настоял на исполнении ее похоронного суперхита «Куда? Зачем?».

- Заодно дань уважения к Мике Телкамп, ведь и она недавно померла.

- Сама Мике Телкамп не слишком ценила эту песенку, - осторожно возразил я.

- А мне нравится. Считаю, она самая подходящая, когда кто-то умирает. Интересно же знать, куда он уходит. Кстати, когда я сам помру, пусть сыграют песенку «Папа» этого... как его звать-то?

– Стеф Бос[7 - Бос Стеф (р. 1961) – нидерландский певец.], – подсказала Афра.

Вот что я с удовольствием послушаю на твоих похоронах.

Я не произнес этого вслух, но... какая разница.

Герда любила оперу. Но Афра решила, что оперная музыка на похоронах неуместна.

Было еще кое-что, от чего Герда, вероятно, перевернулась бы в гробу. Например, плохое звуковое оформление, сотрудник похоронного бюро, который сам смахивал на покойника, уродливый гроб, паршивый кофе и черствый несъедобный торт. Герда предпочла бы вино, но Пит заявил, что это пробьет дыру в бюджете. Когда я сказал, что сам оплачу вино, Афра ехидно заметила: «В скором времени у нас не будет лишнего цента, Артур. Между прочим, я считаю, что вино на похоронах... не знаю... немного неприлично. Как будто речь идет о празднике».

Автомобильчик, который вез гроб на кладбище, всю дорогу громко скрипел. Герде понравилось бы. Обидно, что так мало людей провожало в последний путь эту женщину, такую трогательную, такую сердечную. Человек пятьдесят. Я уже говорил, что всегда считаю по головам тех, кто приходит на похороны и кремации. И всегда спрашиваю себя: а сколько народу будет на моих похоронах?

Я был единственным, кто произнес прощальное слово. Пит и Афра попросили меня выступить и от их имени. Это казалось мне невозможным, но спорить было бесполезно.

Я говорил искренне. От всего сердца. И это было совсем нетрудно.

А теперь ты остался один против этих двоих, вдруг подумал я. Немного мелодраматично, признаюсь. Но мне предстоит жить дальше, без тихой силы и несокрушимого доброго юмора моей тещи.

Я часто спрашивал себя: Пит и впрямь так отвратителен или дело во мне, в моей нетерпимости? Почему в последние годы я испытываю к нему все большую неприязнь?

Но во время болезни Герды последние сомнения исчезли.

Однажды я услышал его разговор с Афрой.

– И кто теперь будет пылесосить и мыть посуду, она-то уже не сможет, а сестра уехала? – спрашивал он.

– Думаю, в данный момент мама немного важнее, чем ты с твоим вечным эгоизмом.

– Я не могу. У меня ревматизм.

– Не такой уж и ревматизм, раз ты то и дело бегаешь в магазин за выпивкой.

– От тебя ведь ничего не дождешься.

– А ты хоть раз что-нибудь сделал для мамы?

– Твоя мама никогда ничего от меня не хотела.

– И ты, конечно, понятия не имеешь почему? Не помнишь, как кряхтел и охал, когда она просила бросить в корзину для белья твои же собственные грязные трусы?

– Уж такой я уродился, поздно меня воспитывать. Не учи ученого.

– Господи, какой же ты... чурбан.

«Чурбан» в устах Афры прозвучал весьма непривычно.

Что-то все же уцелело от прежней прелестной, бойкой Афри, но оно глубоко спрятано под злостью и горем ее бездетности.

Мое безразличие, конечно, не помогло ей, а моя сакраментальная фраза «Ах, оставим эту тему!» многое разрушила.

В самом деле, в последнее время я иногда занимаюсь самоанализом.

Я не испытываю к ней неприязни. Она раздражает меня, а я ее, и мы оба всячески стараемся не выходить за рамки приличия. И предпочитаем держаться подальше друг от друга.

То, что мы по-разному смотрим на многие вещи, тоже не спасает положения. Ей нравится йога, мне – гольф. Она включает программу «Вся Голландия печет», а я – «Студио Спорт». Она любит балет, я – поп-концерты. Ей по душе Дренте, мне – Италия. Она умеет загружать в телефон всякие полезные приложения, я – компьютерный debil. Она может, например, пользуясь пультом дистанционного управления, подогревать сиденье унитаза. Я могу помочиться в него с большого расстояния.

27

– Садись, Артур. – Господин Хертог всячески старался изобразить благодушие и непринужденность.

– Все-таки прекрасный у вас стол, – сказал я, чтобы немного облегчить ему задачу.

– Да, настоящий орех. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо. Я только что пил. – Я не прибавил, что после второй чашки кофе из его автомата меня бы стошнило.

- Полагаю, ты знаешь, почему я пригласил тебя для беседы.

- Догадываюсь.

- Речь пойдет об условиях увольнения.

По словам Хертога, он долго размышлял, что считать справедливым выходным пособием. И склоняется к мысли выплатить мне десять месячных окладов.

Я заранее проконсультировался с Йостом. Йост считает, что мне положены два годовых оклада. Он убедил меня, что нужно с ходу требовать три годовых оклада, словно это самое обычное дело на свете.

Я сделал вид, что шокирован:

- Неужели? А мой адвокат думает совсем иначе.

Хертог явно испугался.

- У вас есть адвокат?

От волнения он вдруг обратился ко мне на «вы», что было добрым знаком.

- Да, он советует требовать три годовых оклада. По месячному окладу за каждый отработанный год и небольшой бонус за доказанную добавленную стоимость для вашей фирмы. - Я выучил этот текст наизусть. И сказал ему «ваша фирма», но опустил обращение «господин Хертог». Для равновесия.

Директор выпучил глаза. Он не ожидал такой наглости от своего весьма инертного служащего.

- Ого!

- Плюс договоренность о выплате пенсионной премии. - Еще одна крутая фишка, которую подсказал мне Йост.

– Ого. – Хертог чуть не поперхнулся. Ведь он считал себя достаточно изворотливым и опытным, чтобы справиться со мной без помощи дорогого адвоката. – Так-так.

Я держал долгую паузу. Йост строго меня проинструктировал. Ничего не говорить. Ничего не обсуждать. Не отступать от своего первого требования. Ждать, пока он не предложит хотя бы два годовых оклада. Это больше, чем сейчас можно добиться по суду.

– Возможно, – нарушил молчание Хертог, – десять месячных окладов в данном случае, в самом деле, маловато, но трехгодичный...

– Плюс пенсионная премия.

– Н-да... Думаю, что, посоветовавшись с аудитором, смог бы выплатить восемнадцать месячных окладов.

Итак, восемь окладов заработаны довольно быстро, но нужно добиться большего. Прежде всего потому, что я знал: его аудитору семьдесят восемь лет, и он отстал от жизни. Зато обходится недорого.

– Нет, мой адвокат утверждает, что тридцать месячных окладов – это минимум, которого он добьется в суде. Плюс, конечно, оплата его услуг. Он посоветовал мне в таком случае не слишком настаивать на пенсионной премии. – Эту фразу Йост заставил меня выучить наизусть.

Хертог полностью сдал позиции. Он что-то шептал про себя и несколько раз вздохнул, лихорадочно подсчитывая убытки.

– А что вы скажете... об окладе за два года и четыре месяца? При условии, что не будете претендовать на пенсионную премию.

Я сделал вид, будто колеблюсь, и не спешил с ответом. Хертог быстро добавил, что я должен также отказаться от судебного иска.

Я еще немного помолчал и наконец, как бы нехотя, произнес, что в интересах фирмы скрепя сердце соглашаюсь на его предложение. И дабы сэкономить его

затраты, попрошу своего адвоката подготовить соответствующее соглашение. Тогда его адвокату останется только проконтролировать исполнение.

Да, получилось классно. Хертог даже облегченно перевел дух. Я знал, что он спокойно заплатит эти деньги.

Невероятно. За десять минут я стал богаче на 116 тысяч евро. Брутто, конечно. Вечером мы с Йостом обмоем успех, осушив добрую бутылку шампанского.

Час спустя Хертог сообщил, что у меня осталось одиннадцать неиспользованных отпускных дней. Это означало, что я должен пахать на Хертога тринадцать недель. Еще пятьдесят два раза придется съездить из Пюрмеренда в Брёкелен и обратно. А дома меня ждет черная дыра, которую пока нечем заполнить.

IV

«Может, не стоит принимать все так близко к сердцу, Афье, – говорила мне иногда мама. – Относись к жизни легкомысленней, чуть менее серьезно».

Она была права, но откуда взять то, чего нет в душе. Я не легкомысленна.

Артуру надо бы жениться на моей матери. Артур тоже не легкомыслен, но умеет отлично притворяться. Говорит, что хочет жить на широкую ногу и с размахом, но целых двадцать три года просидел на одной и той же скучной работе в Брёкелене. А в довершение всех бед скоро и ее потеряет. Он уволен. Стал ненужным.

Это означает, что нам придется на всем экономить. Мне-то что, я привыкла жить скромно, но Артур любит корчить из себя важную персону.

Воображаю, как он будет целыми днями сидеть дома. Со вздохом приподнимать ноги, чтобы я не задела их пылесосом. Спрашивать вслух, но как бы про себя,

зачем каждый день нужно что-то передвигать. А если я задам ему вопрос, делать вид, будто погружен в свою газету и ничего не слышит.

Предвижу, что новую работу он найдет нескоро. Пятьдесят лет... песня долгая, а похвастать нечем, разве что глубоким знанием держателей для туалетной бумаги и автоматов для полотенец. В очередь за ним компании не встанут.

Артур весьма невысокого мнения о моей работе в магазине модной одежды больших размеров. Считает, что ожидать клиентов – это не работа. Он представления не имеет, чем я занимаюсь в течение дня. За восемь лет, что я там работаю, заглянул туда один-единственный раз. О'кей, я тоже всего один раз была в офисе Хертога, когда компания отмечала 75 лет своего существования.

А ведь, кроме этого пожилого подростка, в моей заботе нуждается отец, который думает только о себе и своих воображаемых мучениях. Одна только мама умела с ним справляться. Она соорудила некую комбинацию из легкой насмешки и полного пренебрежения. Я так не смогу.

Ты была права, мама. Я не легкомысленна. Я серьезна и немного брюзглива от природы. И мне тебя страшно не хватает.

28

Отвратительная игра команды Нидерландов против Люксембурга вывела меня из себя.

– Люксембург на сто двадцатом месте в мире, – бушевал я. – А мы на двадцатом.

– Мы? – спросила Афра. – И я в том числе?

– Нет, дорогая, ты, конечно, на первом. – Это прозвучало немного циничнее, чем я имел в виду.

– Ах, как романтично. Жаль, что ты так не думаешь.

И она довольно фальшиво пропела свободную вариацию на тему песенки группы «Де дейк»[8 - «Де дейк» – нидерландская рок-группа, основана в 1981 г.] «Мужчина точно знает, кого ему не хватает, лишь когда ее больше нет».

– Пусть это сыграют на моих похоронах, – подлил я масла в огонь.

– Нет, Артур, на моих. В своих ты участвовать не будешь.

– Нет. К сожалению.

Это был решающий момент.

В этот момент я подумал: почему, собственно, нет?

В этот момент я впервые подумал: а что, пожалуй, хорошая идея – участвовать в собственных похоронах? И где-нибудь в другом месте начать все сначала?

Я плохо помню, чем закончился матч. Помню только, что Афра несколько раз повторила:

– Я с тобой говорю, Артур.

29

На следующее утро я впервые за двадцать три года сидел в пробке по дороге в Брёкелен бодрый, как ранняя пташка. Я был готов кое-что предпринять! Был готов перевернуть всю свою жизнь. Возможно, она не будет масштабной и захватывающей, но солнечной и свободной. А с моим выходным пособием в качестве стартового капитала можно было не опасаться, что спустя короткое время я снова, подняв лапки, вернусь в свое родовое имение в Пюрмеренде. Хотя интересно было бы посмотреть на лицо Афры, если бы ее покойный супруг позвонил из двора, куда нельзя машинам.

«Привет, дорогая, произошло недоразумение. Меня схоронили по ошибке, но сработал ретроактивный эффект, и ошибка исправлена».

Интересно, она раскроет рот? Заорет благим матом? Спокойно скажет: «Входи, Артур, заварить тебе чашечку свежего мятного чая?» Или кинется мне на шею, осыпая страстными поцелуями?

Надеюсь, я никогда этого не узнаю, но подозреваю, что, согласно теории вероятности, такая возможность довольно высока.

На выходное пособие и сэкономленные деньги я наверняка смогу провести в Италии лет десять. А там будет видно. Может, выведу новый сорт винограда и обоснуюсь на окрестных фермерских рынках.

Давно я не испытывал такого восторга. Последний раз в детстве, когда на мое пятилетие Синтерклаас[9 - Синтерклаас - святой Николай, нидерландский Дед Мороз.] подарил мне велосипед без боковых колесиков. Я надеялся, что теперь мне повезет больше, чем в прошлый раз. Тогда я поехал кататься под дождем и градом и через пять минут вопил от боли, лежа на кушетке с огромной ссадиной на голове.

У жизни тоже нет боковых колесиков, поэтому я поклялся себе относиться к ней спокойно и взвешенно. Так, как учила меня мама: «Прежде чем делать, подумай. А когда сделаешь, тем более подумай».

Для меня эта формула что-то вроде заклинания. Не спешить!

По радио как знак свыше зазвучало «Хэппи» Фаррелла Уильямса[10 - Уильямс Фаррелл (р. 1973) - американский рэпер, певец, автор песен; песня «Хэппи» звучит в фильме «Гадкий я - 2»]. Я врубил звук на полную громкость, и вся растянувшаяся на полтора километра пробка медленно двигавшихся и стоявших машин на полной громкости подхватила песню. Со мной трижды поравнялся солидный китаец в солидном «мерседесе». И каждый раз смотрел на меня. А я каждый раз кивал ему, подняв большой палец. И он любезно кивал в ответ.

Выразив песней свое восторженное состояние, я стал думать о том, что мне предстоит сделать. Во-первых, нужно составить подробный поэтапный план и соответственно предварительный временной график. Пусть меня похоронят летом, мне так больше нравится, поэтому первую примерную дату своей кончины назначаю на 21 июня, с возможной отсрочкой на три месяца, до 21 сентября, то есть до конца лета. Так что на подготовку остается очень мало времени. Максимум год. Нужно успеть.

Во-вторых, к осуществлению своих планов я решил привлечь Йоста и Ваутера. Одному мне ни за что не справиться. Необходимы два коварных и пронырливых ассистента, чтобы успешно шагнуть из жизни.

Еще я подумал, что нельзя принимать слишком много решений сразу. Буду принимать не больше трех в день. В остальное время жить нормально, словно и не планирую собственной смерти.

А что, если я перед самыми похоронами попаду под трамвай, вдруг пронеслось у меня в голове. Впрочем, и после похорон лучше под трамвай не попадать.

30

Я пригласил Йоста и Ваутера после гольфа пообедать в клубе за мой счет. Сказал, что нужно кое-что обмыть. Стейн, как и ожидалось, выпил две кружки пива с биттербалленами и отвалил домой. Обедать в обществе жены.

– Извините, мне пора, – сказал он.

Он всегда так говорит и, по-моему, каждый раз выражает искреннее сожаление.

– Пора так пора, – отзывается каждый из нас по очереди.

Мы когда-то так уговорились. Стейн смотрит на нас подозрительно, но всегда молчит.

Я заказал столик в уютном углу ресторана и решил, что после обеда, за кофе, ошарашу приятелей планом начать новую жизнь, но еще прежде, чем подали закуски, не удержался и выпалил:

- Многоуважаемые друзья, прошу внимания. Я имею сообщить вам нечто весьма важное.

- Важничаешь, Артуро? Набиваешь цену? – удивился Йост.

- Как бы это сказать... Я собираюсь в некотором смысле покинуть вас.

- Дай угадаю: ты был столь нелюбезен, что скрыл от нас какую-то смертельную болезнь, – произнес Ваутер. Он способен шутить над кем и над чем угодно.

- Нет, я здоров как бык, но собираюсь инсценировать собственные похороны, для чего мне необходима помощь двух лучших друзей. Их имена – Ваутер и Йост.

Два лучших друга воззрились на меня с самым дурацким видом.

- Чего?

- Не ожидал от тебя, Йост. Ты же умный человек.

Я одновременно смаковал ситуацию и нервничал. Собственно говоря, я не учел, что они могут найти мой план смешным или слишком рискованным. А в этом деле о жизни и смерти грубые ошибки непозволительны.

- Мне надоела жизнь, которую я веду, и я собираюсь необычным способом совершить побег из нее и начать новую. Надеюсь на удачу, я приложу все усилия, чтобы вы, друзья мои, как единственное, что останется у меня от старой жизни, заняли достойное место в моей жизни номер два. И, кроме того, мне очень хочется побывать на собственных похоронах.

Я прямо услышал, как закрипели мозги моих собеседников. Может, они ослышались? Неужели их такой компанейский, но такой осмотрительный приятель Артур задумал нечто шокирующее?

– Но ведь не из-за меня? Не из-за того, что я назвал тебя слишком ленивым и нерешительным? – озабоченно спросил Йост.

– В общем-то, это было последней каплей, – солгал я.

– Ну ты даешь! Фантастический план, – сказал Ваутер.

– Не ожидал от тебя ничего подобного, старина. Мои комплименты. Жаль, я сам до этого не додумался, – прибавил Йост.

Он замолчал, устремив невидящий взгляд куда-то в пустоту над моей головой, и продолжил:

– Кстати... если... если провернешь это дело и выйдешь сухим из воды... ты согласишься стать управляющим моего итальянского поместья? Убьешь разом двух зайцев.

– Но тогда уж с пожизненным правом посещения для господина Йоста и для нижеподписавшегося, – уточнил Ваутер.

Я потерял дар речи, осознав всю гениальность этой комбинации. Основные фрагменты мозаики заняли свое место.

Мы бы просидели в ресторане до полуночи, если бы официант не выставил нас оттуда. Я дал ему щедрые чаевые.

– Деньги за молчание? – спросил он с ухмылкой.

Я вздрогнул. Видимо, мы разговаривали слишком громко. Впредь нужно быть осторожней.

– Да нет, просто чаевые. И... э-э-э... за молчание тоже.

Официант ласково кивнул:

- Все будет тип-топ. Профессиональная тайна, а?

31

Афра хочет цифровой контейнер для яиц, который через приложение показывает, сколько штук в нем осталось и какое яйцо самое старое.

- Ты имеешь в виду, тогда тебе не придется каждый раз открывать холодильник, чтобы пересчитать яйца?

- Опять твои шуточки, Артур. Мне кажется, он очень удобный.

- Мне тоже, дорогая. Покупай его, этот контейнер.

- Прямо сейчас?

- Разумеется, не стану же я вставлять тебе палки в колеса, - сказал я, швыряя в камин остаток сухих деревянных брикетов. Афре нравится живой огонь, но она опасается рассыпающихся искр, поэтому вместо поленьев мы топим специально высушенными брикетами.

Может, не надо быть таким сговорчивым? Это вызывает подозрения.

Мне стоит больших усилий не петь без умолку и не насвистывать, расхаживая по дому. Мысли о моих похоронах и последующей за ними свободе повергают меня в состояние эйфории, неуместной в обыденной жизни.

- Что с тобой? - спросила Афра вчера вечером. - Похоже, ты счастлив, что тебя уволили. Неужели у тебя нет ни малейшего чувства ответственности?

- Конечно, есть, дорогая. Я уже занимаюсь поисками чего-то нового. - Я предъявил ей газету, развернутую на странице, где одно из объявлений о рабочих вакансиях было обведено кружком.

– Услуги по выгулу животных? Ты? С твоей аллергией? Смешно! – презрительно бросила она.

– Нужно же что-то делать. Рабочие места в торговле туалетной бумагой на дороге не валяются. А кроме того, на свежем воздухе у меня не бывает аллергии, – огрызнулся я.

– Халтурка на три половинных дня в неделю, на ней ничего не заработаешь, – сказала Афра, внимательно присмотревшись к объявлению.

– Да. Точь-в-точь как твоя работа, – брякнул я. И сразу пожалел. Знал же, что она считает свою работу ужасно важной, и не хотел ее обижать.

Остаток вечера я просидел на диване в ледяной тишине, мечтая, что совсем скоро избавлюсь от всего этого. И всем сердцем желая Афре избавиться от моего раздражающего присутствия. Ад – это другие. Я был уверен, что мы оба останемся в выигрыше.

32

Salve!

Mi chiamo Arturo.

Sono pensionato.

La mia specialit?: dolce far niente.

Con un vino rosso e frutti di mare[11 - Привет! – Меня зовут Артур. – Я пенсионер. – Моя специальность: блаженное безделье. С бокалом красного вина и дарами моря (ит.).].

Так, вступительные итальянские фразы я вызубрил.

А вот еще полезные выражения:

Dove posso buttare l'immondizia? – Куда выбросить мусор?

Puo aggiustarlo oggi? – Можно починить это сегодня?

Il cavatappi – штопор.

La corsia delle bibite – отдел напитков.

Il dito medio – средний палец.

Dov'è il più vicino campo da golf? – Где здесь поблизости поле для гольфа?

Lo sportello bancomat ha preso mia carta. – Банкомат проглотил мою карту.

Aiuto! Trovate un dottore. – На помощь! Позовите доктора.

И, сами понимаете, для моей голландской души:

Quanto costa questo?

Avete qualcosa di meno caro?

Для ругани: Vaffanculo![12 - Сколько стоит? – Есть что-нибудь подешевле? – Иди в жопу! (ит.)]

Я, конечно, знаю, что так или похоже часто выражаются итальянские футболисты, но проверить не могу, поскольку этого слова нет в моем итальянском разговорнике. В общем, точное значение не столь важно, но нужно знать, когда это слово можно употреблять.

В Тоскане я пополню свой словарный запас.

Прекрасный язык итальянский. Надо бы еще перенять итальянскую жестикуляцию, но всему свое время. Жду его с нетерпением.

V

В последнее время с Артуром творится что-то странное. Целый день бегает по дому, насвистывает и стал необычайно разговорчив. Он и раньше был веселым болтуном, им и остался, но только со своими друзьями. На дне рождения он прямо сыпал солеными анекдотами. О'кей, анекдоты были бородатые, которые знает каждый, но все-таки...

Общаясь со мной, он отделяется краткими и сверхкраткими ответами.

- Выпьешь кофе, Артур?

- Гм-гм.

Это означает «да». «Гм-гм-гм» означает «нет».

Я заметила: чем дольше мы вместе, тем меньше он разговаривает. Он в этом смысле дошел до абсолютного минимума. Гм-гм или гм-гм-гм. Короче не скажешь. Дальше ехать некуда, иначе я не смогла бы отличить одно от другого.

Почти неделю он сразу отвечает на вопросы и реагирует на сообщения о домашнем хозяйстве, такие, как «мешки для мусора закончились». И даже снова вполне разумно беседует о разных вещах.

Он уже два раза похвалил меня за вкусную еду, рассказал пару смешных историй о своей работе, по собственной инициативе затопил камин. И не язвил целыми днями по поводу того, что я собираюсь купить цифровой контейнер для яиц, чтобы видеть, сколько штук в нем остается и какое яйцо использовать первым.

Я готова признать, что проку от него никакого, но я обожаю цифровые новинки. Я хотела бы иметь новейший айфон, Артур предпочел бы бакелитовый телефонный аппарат, висящий на стене.

Интересно, не связано ли его хорошее настроение с увольнением? Неужели ему настолько надоел Брёкелен? Честно говоря, в последние годы я этим не интересовалась. Можно было ожидать, что он все-таки немного озаботится нашим материальным положением, но ничего подобного я не замечаю. Что касается денег, он умеет быть совершенно бескорыстным. И ему безразлично, есть у меня работа или нет. Он ее ни во что не ставит, отзывается о ней презрительно: «Ожидать женщин, желающих все больше толстеть, привлекая все меньше внимания». Что ж, скоро нам очень и очень понадобится мое жалованье.

Образ мыслей Артура изменился так радикально, что это даже смешно: он всерьез думает, что сможет подрабатывать выгулом собак. Да он или растеряет по дороге половину, или вернет хозяевам совсем чужого пса.

«Ох, у вас был пудель, а это?.. Да, в самом деле овчарка, теперь вижу. А как примерно выглядит ваш пес? Коричневый? Нет, коричневый прыгнул в канаву и, к сожалению, больше не появлялся».

Вдобавок у него аллергия на всех шерстистых животных.

33

Нидерландский Совет по правам человека постановил, что федерация бильярда виновна в дискриминации, так как проводит соревнования по воскресеньям. Ведь истинно верующие не могут играть в бильярд в день Господень.

Да, конечно, в Сирии война, в Судане голод, в Италии землетрясения, но и здесь, в Нидерландах, тоже не всегда тишь да благодать. (Думаю, кстати, что и сам Господь, после всего, что Он натворил, на седьмой день тоже не прочь отдохнуть, взяв в руки кий. Бог не фраер.)

Меня поражает, что люди так цепляются к мелочам, когда мир вот-вот взорвется. Мир, у кормила коего стоят эти альфа-самцы, Путин, Трамп, Эрдоган и Си[13 - Си Цзиньпинь (р. 1953) – генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая.], не стал осмотрительней. Вдобавок имеется парочка опасных аутсайдеров вроде корейского Кима с его атомными бомбами.

Меня тяготит также мировая задолженность в сто тридцать пять тысяч миллиардов евро. Ведь она душит людей... 135 000 000 000 000 евро! У нас в Нидерландах даже три миллиарда бюджетной экономии воспринимаются как конец света.

Если уж миру суждено выйти из-под контроля, пусть я тогда окажусь в Италии, желательно в окрестностях Вольтерры, где это будет не так заметно. Итальянцы ко всему привыкли, вечно у них какие-то передраги. Они не дадут себя одурачить. Прежде чем наступит конец света, успеют приготовить и съесть свою порцию вкусных макарон.

Я сразу поинтересовался, не расположен ли домишко Йоста в опасной зоне землетрясений, но с этим, кажется, все в порядке. Иначе бы все насмарку.

С тех пор как решил эмигрировать в Италию, я смотрю на Нидерланды по-другому. Конечно, я буду немного тосковать по родине. И наверняка по Афре. Вполне возможно, буду немного скучать даже по Пюрмеренду. (Скучать по Брёкелену, по-моему, невозможно.) Но итальянское солнце, белый домик на холме с виноградником и dolce far niente, блаженное безделье, того стоят.

А вишенка на тирамису – тот факт, что мне никогда больше не придется волноваться из-за сбыта туалетной бумаги, долгов, пробок и бильярда по воскресеньям. Хотя я не уверен, что на тирамису и впрямь есть вишенка.

34

С тех пор как я твердо решил, что через год меня похоронят, я только и думаю, что о смерти. Если уж ты обратил внимание на смерть, она присутствует везде. На ТВ, в газете и в реальной жизни.

Южная Корея занимает первое место в десятке стран, лидирующих по числу самоубийств. В этой самой несчастной азиатской стране каждый день происходит сорок три самоубийства. Вот столько людей хотят свести счеты с жизнью. И корейская благотворительная организация «Счастливо умереть» усмотрела в этом шанс занять нишу на похоронном рынке. Она предлагает вернуть людям вкус к жизни, предоставляя им возможность участвовать в собственных похоронах. Потенциальные самоубийцы должны оглянуться на свою жизнь, подытожить достоинства и достижения и написать фиктивное завещание и фиктивное прощальное письмо. После чего они смогут в погребальных одеждах полчаса полежать в гробу. Отзывы на программу как будто весьма противоречивы.

Впрочем, это немного похоже на мой собственный план.

Номер газеты, где прочел кое-что на эту тему, я швырнул в камин, чтобы он не попался на глаза Афре. Ретроактивный эффект мог бы когда-нибудь позже навести ее на разные мысли.

И тут она вошла в комнату.

– Надеюсь, Артур, ты не бросал в камин бумагу? Ты же знаешь, она дымит, а это плохо для окружающей среды. У нас есть дорогие высушенные деревянные брикеты. Зря мы их покупали?

– Прости, дорогая, я сделал это, не подумав, – соврал я. И, кажется, слегка покраснел.

– Да, думать иногда трудно, – ласково улыбнулась она.

– Слишком много думать тоже нехорошо, – заметил я в свое оправдание.

– Возможно, ты прав. Всякий перебор вреден. Полезно довольствоваться малым.

– И ни в чем себе не отказывать.

– Ну и шуточки у тебя, – слегка раздраженно сказала Афра.

Что сделать (примерно и пока не в хронологическом порядке):

1. привести в порядок финансовые дела;
2. купить щенка лабрадора;
3. найти подходящего похоронщика;
4. подготовить похороны;
5. организовать два гольф-тура;
6. инсценировать аварию;
7. организовать перевозку «трупа» в Нидерланды;
8. иметь действительный паспорт;
9. выучить итальянский;
10. купить малолитражку;
11. изменить внешность;
12. сходить на похороны;
13. отправиться в рай.

Мой коллега Беренд поинтересовался, «в облаке ли» я.

- I am in the cloud of the unknowing[14 - Я в облаке неведения (англ.)].

Я вычитал это выражение совсем недавно, листая в парикмахерской журнал «Harpinez». Не знаю, что оно означает, но звучит красиво. Беренд тоже не нашел, что ответить.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, как и сказал: I am in the cloud of the unknowing.

- Да-да... ты, значит, скажем так, пустил все на самотек. - Беренд смотрел на меня вопросительно.

- В самую точку, Беренд. Пустил на самотек.

Ситуация в конторе последние несколько недель слегка сюрреалистичная. Коллеги по оптовой торговле сантехникой и мощными средствами жалеют меня, ведь я уволен, и одновременно радуются, ведь сами они не уволены. Им неизвестно, что я получу целый мешок денег (по настоянию Хертога я подписал документ о неразглашении), и меня это вполне устраивает.

У них сложилось искаженное представление о моем психическом состоянии, а я прямо-таки ликую, что скоро пробкой вылечу отсюда, и жалею тех, кто будет до пенсии торговать туалетной бумагой и автоматами для выдачи полотенец. Так что у каждого в конторе есть повод для радости, но никто ее не проявляет.

Марике спросила, как я справляюсь со своим увольнением.

- Ищу, куда бы его засунуть, - брякнул я, недолго думая.

Марике воззрилась на меня с недоумением.

– Прости. Иногда реагирую не совсем адекватно. Но я еще не пришел в себя.

Она понимающе кивнула. Но в ее глазах стояли два больших вопросительных знака: засунуть?

Не так-то просто изображать уныние, когда, радостно насвистывая, ведешь обратный счет дням. Осталось тридцать девять рабочих дней. И самая большая проблема в том, что свистеть я могу только мысленно.

Господин Хертог лично уже несколько раз обращал мое внимание на газетные объявления о вакансиях, которые казались ему «весьма привлекательными».

– И, разумеется, я напишу вам прекрасную характеристику, дружище.

– Вы очень любезны, – произнес кто-то, и это был я сам, хотя в то же время подумал: «Подотрись ты своей характеристикой».

Мои коллеги считают, что я поступаю достойно, продолжая работать без всякого стимула.

– Я бы на твоём месте время от времени сказывался больным, – заговорщицки шепнул мне завкладом Дирк. Он понятия не имеет, как неуютно я чувствовал бы себя дома.

К тому же я не хочу бросать изучение итальянского в пробках по дороге на работу. Занимаюсь языком больше часа, два раза в день и делаю успехи (хваляю себя сам). Иногда закладываю лишний крюк, чтобы закончить урок.

Я открыл новый счет в банке ASN. На него можно перевести выходное пособие. Афре я сообщил, что получу десять тысяч. Она сочла, что это маловато. Я сказал, что еще ловко выторговал эти десять тысяч, ведь Хертог поначалу предлагал

всего пять.

– Вдвое больше, Афье, это совсем недурно.

Афре нечем было крыть.

Итак, десять тысяч евро попали на наш общий счет в банке ING. И шестьдесят пять тысяч – на мой личный новый счет. В конце концов, это мое выходное пособие. На нашем общем счете примерно сорок тысяч евро. Из них половина моя. По зрелом размышлении я разработал следующий план: буду снимать регулярно небольшие суммы, порядка нескольких сотен евро. Тогда перед окончательным переездом в Италию на заднем сиденье моего автомобиля будет лежать пакетик с двадцатью тысячами евро наличными.

Афра вряд ли что заметит. У нас в доме практикуется классическое разделение труда: муж занимается финансами и садом, а жена – домашним хозяйством; но при этом в мои постоянные обязанности входят мытье посуды и топка камина. У нас общий счет, доступный для обоих по картам. Пока банкомат выдает по карте деньги, Афра считает, что все в порядке. Ну, может, спросит раз в год, сколько у нас денег на сберегательном счете. Может, она слегка огорчится, когда после моих похорон выяснит, что там осталось всего двадцать тысяч. А может, она понятия не имеет, сколько там было сначала, и даже обрадуется.

Я не чувствую за собой никакой вины. Она получит вполне приличную страховку и солидную вдовью пенсию, и дом наш полностью оплачен.

По брачному договору у нас общее имущество, но в итоге Афре достанется больше половины. Она это честно заслужила. Вдобавок ей предстоит пережить мои похороны и остаться вдовой.

Надеюсь, она не станет слишком долго горевать. Симпатичный песик наверняка ее утешит.

Итальянский народ сказал: «Нет!»

Не знаю точно, против чего протестуют итальянцы, и у меня сложилось впечатление, что и сами итальянцы тоже не знают. Официально они против изменений в Конституции, призванных смягчить постоянную тупиковую ситуацию в итальянской политике. Но, похоже, в первую очередь они протестуют ради протеста, говорят «нет!» политической элите, в данном случае премьеру Ренци, да и любому другому премьеру.

За семьдесят лет в Италии сменилось примерно шестьдесят премьеров, из чего с очевидностью следует, что итальянцы не слишком дорожат своими первыми министрами.

Начав новую жизнь в Италии, я больше не стану интересоваться политикой. Хотя и нахожу политику весьма занимательной и не верю дурацким воплям, что все политики – лжецы и хапуги. Политики врут и воруют не больше и не меньше, чем владельцы автосервисов, банкиры и получатели пособий.

Но боюсь, итальянскую политику мне уже не постичь. Это стоило бы огромного напряжения, тогда как одно из самых значительных намерений на остаток моей жизни – избегать огромных напрягов, разве что они позволят испытать чувство огромного счастья. А итальянская политика счастья не сулит. Я надеюсь, моя жизнь в Тоскане потечет безмятежно, что бы там ни творилось в парламентах, общинных советах, дворцах и тайных кабинетах. Джузеппе Томази ди Лампедуза[15 - Томази ди Лампедуза Джузеппе (1896–1957) – итальянский писатель.] (одно имя чего стоит) в одной из своих книг утверждает: «В Италии все должно меняться, чтобы все оставалось по-прежнему». Качество пиццы и макарон не должно страдать из-за политических кризисов. Обожаю пиццу. Обожаю итальянскую кухню: vitello tonnato, coppa di Parma, паста ручной работы. Страсть к листовой капусте разделить труднее. Хотя... ради голландского тушеного мяса я готов прокатиться разок туда-обратно.

Боюсь, я стану одним из тех наших за границей, что запасают арахисовое масло, лакрицу, пряники и мраморную говядину.

– Похоронщика, готового обойти закон, не сыщешь, Артур. – Йост озабоченно посмотрел на меня.

Я испугался, ведь это перечеркивало мои планы.

– Но, к счастью, я изловчился и нашел-таки одного, – продолжил Йост с широкой улыбкой. – Назовем его для начала мистер П. От слова «погребение».

– Мистер К. От слова «кремация», так будет точнее, – предложил Ваутер.

Мы единогласно одобрили его предложение.

Отвергнув мое прежнее желание быть погребенным, мы решили, что лучше меня кремировать. Кремация сильно затруднит возможное расследование. Вероятно, Афре покажется странным это неожиданное изменение конечного пункта моего последнего пути, поэтому я должен в ближайшее время и как бы невзначай упомянуть о нем.

Йост навел справки среди своей широкой клиентуры и вышел на клиента, чей компаньон владел похоронным бюро.

– Когда-то я помог ему в пустяковом дельце. Вероятно, он согласится аккуратно обойти закон об оказании похоронных услуг, но, конечно, если мы раскошелимся. Ну да, он довольно скользкий тип, но у нас нет выбора, – сказал Йост.

Через две недели он побеседует с мистером К. и все с ним обсудит.

– И как мы конкретно организуем кончину? – весело спросил Ваутер.

Поразительно, с каким энтузиазмом двое моих друзей ухватились за мою кончину. Она им и впрямь нравится. Они, конечно, будут сожалеть о моем отсутствии на поле для гольфа, но от всей души желают мне красивой и беззаботной новой жизни. А в порядке компенсации предвкушают, что я организую им недельку-другую гольф-туризма в Тоскану. Минимум два раза в год, all inclusive[16 - Все включено (англ.)].

Мне нужно держать ухо востро. Вчера поздно вечером я с интересом смотрел Rai uno, первый канал итальянского ТВ, когда Афра встала с постели, чтобы приготовить себе стакан горячего молока, так как не могла уснуть. Если вы убеждены, что молоко помогает от бессонницы, то оно помогает. Я не слышал, как Афра вошла, она была в тапочках. Не знаю, долго ли она стояла в дверях у меня за спиной, слушая, как я повторяю вслед за телевизором случайные итальянские слова.

- Что это ты делаешь, Артур?

Я чуть не свалился с дивана.

- Что-то здесь нечисто, - прибавила она.

- Разве я намусорил? - Я не сумел придумать другого отвлекающего маневра.

- Нет, я про нечистую совесть.

Я промямлил что-то вроде «роскошный язык», но Афра уже удалилась к себе наверх. В последние годы мы прилагаем все меньше усилий, чтобы понять друг друга. Честность вынуждает меня признать, что я начал первым, а Афра через некоторое время без лишних колебаний последовала моему примеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бочелли Андреа (р. 1958) – итальянский певец (тенор), исполнитель классической и популярной музыки; Брайтман Сара (р. 1960) – британская певица (сопрано).

2

Де Леу Паул (р. 1962) – нидерландский комик и певец; Борсато Марко (р. 1966) – нидерландский певец; де Брей Клаудиа (р. 1975) – нидерландский комик и певица.

3

Линн Вера (1917–2018) – британская певица; Телкамп Мике (1934–2016) – нидерландская певица.

4

Ван Дёйн Андре (р. 1947) – нидерландский комик и певец.

5

Звагерман Йост (1963–2015) – нидерландский писатель; Камерлинг Антони (1966–2010) – популярный нидерландский актер.

6

Алгарви – португальская провинция, международный центр отдыха.

7

Бос Стеф (р. 1961) – нидерландский певец.

8

«Де дейк» – нидерландская рок-группа, основана в 1981 г.

9

Синтерклаас – святой Николай, нидерландский Дед Мороз.

10

Уильямс Фаррелл (р. 1973) – американский рэпер, певец, автор песен; песня «Хэппи» звучит в фильме «Гадкий я – 2».

11

Привет! – Меня зовут Артур. – Я пенсионер. – Моя специальность: блаженное безделье. С бокалом красного вина и дарами моря (ит.).

12

Сколько стоит? – Есть что-нибудь подешевле? – Иди в жопу! (ит.)

13

Си Цзиньпинь (р. 1953) – генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая.

14

Я в облаке неведения (англ.).

15

Томази ди Лампедуза Джузеппе (1896–1957) – итальянский писатель.

16

Все включено (англ.).

Купити: https://telnovel.com/grun_hendrik/zhivi-i-davay-zhit-drugim

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)